

А.К. Крамаровская

СОН В НОВЕЛЛАХ БРЮСОВА

Целью данной статьи является попытка на основе анализа рассказов Брюсова показать символистический характер сновидений и использование приема сновидений как мотивировки поступков героев, а также для передачи их внутреннего мира. Проблема использования сновидений в литературе неоднократно привлекала внимание исследователей. Так, исследованию роли сновидений в произведениях русских писателей XX в. посвящена работа Н.А. Нагорной [5], на схожесть приемов сна у Брюсова и Гоголя обращала внимание в своей работе С.А.Кочетова [3].

Сон всегда был загадкой и тайной для человека. И как все неизвестное, он привлекал к себе интерес науки, медицины, и психологии. Проблема сновидений как феномена человеческой жизни всегда стояла перед исследователями. От древности до наших дней сохраняется две основных линии трактовки сновидений: физиологическая и теологическая. Так, Демокрит считал, что сущность сновидений заключается в автоматической работе мозга при отсутствии восприятий. Сократ верил в божественное происхождение сновидений и допускал, что они могут предсказывать будущее. Платон рассуждал о снах в своем диалоге "Тимей", считая их проявлением деятельности души; Аристотель в своих трактатах "О сне" и "О вещих сновидениях" указывал, что какая-то часть сознания человека все время бодрствует, утверждая, что возникающие перед нами представления — всего лишь сон. Образы сновидений же — результат деятельности органов чувств.

Систематическую теорию создал знаменитый психиатр З. Фрейд. В своей книге "Толкование сновидений" он писал о том, что сон — это иллюзорное осуществление вытесненных желаний. Его ученик и оппонент К. Юнг рассматривал сны как предшественников будущих тенденций развития личности. Г.Х. Миллер в своих работах дает классификацию снов. Сны, по его мнению, делятся на субъективные, физические, духовные и смешанные. Последний вид снов всегда имеет пророческий характер, особенно когда оставляет яркое впечатление в сознании. В смешанных снах Миллер выделяет буквальную и аллегорическую части. Первый вид также содержит элемент предостережения, однако его истинное значение скрыто в форме символов или аллегорий. Сновидения имеют философско-эстетическую, художественно-психологическую, сюжетно-композиционную, креативную, информативную, коммуникативную, мнемоническую, ретроспективную, прогностическую и сенситивную функции. Через сновидения передается внутренний мир человека. Сон может предсказывать и предупреждать, зачастую он используется как символ, аллегория. Наука открыла связь снов с мифами, а также универсальный

характер некоторых символов и образов сновидений. Этот момент особенно заинтересовал писателей, поэтов. Сны были и остаются одной из самых привлекательных сфер человеческого духа, как для писателей, так и для читателей.

В. Брюсова как художника и писателя не мог не интересоваться миром сновидений и использование этого приема в литературе. Одной из отличительных особенностей брюсовской прозы является то, что автор не давал своих суждений о персонажах и их поступках. Он пытался показать мир героя со стороны, глядя на него глазами как будто постороннего повествователя. «Пытаясь видеть мир чужими глазами, он старался войти и в чужое мирозерцание, перенять чужие убеждения и чужой язык» [1, с.10]. И сновидения оказались хорошим способом передать внутренний мир человека. В данной статье речь пойдет о двух рассказах Брюсова, где прием сна был использован наиболее ярко. Это рассказы «Сестры» и «Теперь, когда я проснулся...». Оба рассказа относятся к сборнику «Земная Ось». Одной из характерных особенностей сборника является исключительное внимание к внутреннему миру человека, чему можно найти подтверждение в его произведениях [1, с.11].

Одним из важнейших для рассказов его сборника «Земная ось» является сравнение мира «грез» и мира реального. Брюсов писал в предисловии к сборнику: «Кроме общности приемов письма, «манеры», эти 11 рассказов объединены еще одной мыслью, с разных сторон освящаемой в каждом из них. Это – мысль о том, что нет определенной границы между миром реальным и воображаемым, между «сном» и «явью», «жизнью» и «фантазией». То, что мы считаем воображаемым, – может быть высшая реальность мира, а всеми признанная реальность – может быть самый страшный бред» [3]. В литературном произведении сон может показать другую жизнь, организованную по другим законам. Жизнь во сне помогает по-новому увидеть и оценить реальную жизнь, помогает раскрыть новые возможности человека. Эти суждения применимы и к рассказам Брюсова.

«Сестры» – один из ярких примеров использования сна для воссоздания внутреннего мира персонажа. Герой рассказа Николай уже несколько лет поддерживал интимную связь с сестрами своей жены. В семье назревал конфликт. Николай постепенно терял контроль над ситуацией. Он попытался сбежать, но не смог, не захотел. «Вот, после безумной попытки убежать, вырвать свою душу на свободу, разрубить свою жизнь в одной точке надвое – он опять здесь, среди них, и опять должны начаться дни иступленных часов, дни восторгов и отчаяний. Он понял сегодня, что вне этой атмосферы взаимных оскорблений и боготворения друг друга для него нет жизни, что он умрет без нее, как тропическое растение вне теплицы. Он знал, что вернулся сюда

навсегда» [1, с.110]. Раздираемый внутренним смятением, безысходностью, герой заболевает. Он впадает в бредовый сон.

С помощью сна автору рассказа удается передать всю сложность сложившейся ситуации. Его метания во сне, безумие, передают его внутренне смятение. В начале своего сна Николай еще в состоянии управлять галлюцинациями. Он мог вызывать образы своих женщин, управлять видениями. Николай «вызывает» каждую из своих любовниц, вспоминает, какими были их свидания, вновь переживает минуты близости с ними, ласки, обидные слова. Постепенно видения одолевают его, и Николаю все сложнее командовать ими. «Он кружится с этими женщинами в опьянительной пляске, то припадает к их обнаженным грудям, то закрывает глаза перед их занесенными ударами. Темп дьявольского вальса все учащается, и уже нет сил, и уже нет сил поспевать за ним» [1, с.112]. Позже, обессиленный он полностью отдается видениям. Периодически Николай возвращается в реальность. Но ему все труднее в ней удержаться. И даже читатель уже не всегда понимает, где сон, а где явь. Брюсов как бы балансирует между двумя состояниями, стирая границы между сном и реальностью, но потом добавляет деталь, которая окончательно подтверждает переход в мир грез или реальности.

Сначала Николай видит те образы, которые он хочет видеть: «Он захотел воссоздать образ Лидии...» [1, с.110], или «Но пусть это будет уже не Лидия, – пусть в его руках дрожит обнаженное тело Мары...» [1, с.110]. Затем сон и явь перемешиваются и перепутываются. Время от времени Брюсов вставляет реплику, которая заставляет читателя вернуться к реальности: «Он кинулся на Кэт, чтобы поднять ее, <...> сказать ей, что любит только ее, – и очнулся» [1, с.114]. «Последним напряжением воли он вырвался из кошмара в действительность» [1, с. 117].

Исследователи сновидений не раз говорили о том, что во сне человек очень часто видит ситуацию или проблему, которая его терзает. Часто сон показывает или предсказывает разрешение проблемы. Через сон Брюсов передает борьбу Я героя со сложившейся ситуацией. Так, по мнению Адлера, главная цель сновидения, это решение внутриличностных и межличностных проблем в настоящем и будущем. Юнг также считал, что сны помогают в решении проблем. И сон подсказал герою решение – это смерть. И Николай согласился, измученный сновидениями, измученный безвыходной ситуацией, в которой он находился. Смерть стала для него избавлением от мук, таким желанным избавлением.

Стоит отметить, что В. Брюсов, как и другие прозаики-символисты, творчески усваивал приемы своих предшественников и современников. Во всем сборнике «Земная Ось» рассказы ориентированы на конкретные образцы «западного» повествовательного искусства [1, с. 8]. Например, сам Брюсов

писал, что в рассказе «Теперь. Когда я проснулся...» сказалось влияние Эдгара По. В своих рассказах о маниакальных склонностях, таящихся в человеческой психике, В. Брюсов перенял его манеру сочетать логику и бред, рассудочную иррациональность. Всю книгу его рассказов пронизывает также концепция единства страсти и смерти. Некоторые исследователи отмечали влияние на поэтику брюсовской прозы А. Франса, Ж. Верна и Г. Уэллса.

Стремясь к совершенству, к покорению новых вершин, Брюсов, находя новые интересные, на его взгляд, приемы у писателей, использовал их в своих произведениях, при этом делал этот прием своим, добавлял в него нечто свое, «брюсовское». Брюсов не мог оставаться спокойным зная, что есть еще область литературы, которую он еще не изведаль, прием, который он еще не использовал. Так, ему была близка поэтика прозы Гоголя, о чем свидетельствуют параллели между его рассказом «Сестры» и «Майской ночью или утопленницей» Гоголя. Несмотря на то, что произведения схожи, нельзя назвать «сестер» копией «Майской ночи». Произведения Гоголя скорее фантастичны, произведение Брюсова – реально. Душевные терзания героя вызваны реальной ситуацией, реальна и развязка. Заимствовав прием сна у Гоголя, Брюсов придавал ему психологический характер. Кроме того, на произведениях Брюсова лежит отчетливая печать модернизма с присущими ему особенностями.

В рассказе писателя «Теперь, когда я проснулся...» слышны отголоски его диалога с Достоевским. Речь идет о «Сне смешного человека». Об этом свидетельствуют уже первые строки произведений. Так, рассказ Брюсова начинается словами: «Конечно, меня с детства считали извращенным. Конечно, меня уверяли, что моих чувств не разделяет никто. И я привык лгать перед людьми» [1, с. 48]. Рассуждения брюсовского героя похожи на рассуждения героя Достоевского: «Я смешной человек. Они меня называют теперь сумасшедшим... Я всегда был смешон, и знаю это, может быть, с самого моего рождения. Может быть, я уже семи лет знал, что я смешон» [2, с. 104].

Герой брюсовского рассказа – человек, который любит видеть сны. Еще с детства сон нравился ему больше, чем реальность. Во сне он получал свободу чувствовать и переживать те наслаждения, которые не были доступны в реальном мире, скованном рамками приличия и этики, а именно, наслаждение видеть муки другого. По мнению героя, именно страдания другого и есть высшее наслаждение. Общество, с его моралью и культурой, отвергает такое естественное, по мнению героя, желание, и единственная отдушина, где он чувствует себя свободным – это сны. «Я полагаю, что человек в своем первобытном состоянии может жаждать лишь одного – мучить себе подобных. Наша культура наложила свою узду на это естественное пробуждение. Века рабства довели человеческую душу до веры, что чужие мучения тягостны ей.

И ныне люди вполне искренно плачут о других и сострадают им. Но это лишь мираж и обман чувств» [1, с. 48]. Герой брюсовского рассказа использовал любую минуту и все доступные средства для того, чтобы вновь и вновь окунаться в мир своих сновидений-кошмаров. Он даже научился управлять своими снами, вызывать тех или иных персонажей, он придумал себе обстановку для сновидений – комнату со всевозможными орудиями пыток, создал себе помощников – уродливых карликов. Друзья, стараясь помочь, знакомят его с женщиной, которая вскоре становится его женой. Новое чувство, семейная жизнь заставляют поверить героя в то, что он может быть как все и наслаждаться реальной жизнью. Герой заставляет себя стать как все: работать, любить, жить по законам общества. Но его внутренний мир просится на свободу. Жизнь в рамках, жизнь «как у всех» не дает ему внутренней свободы. Она искусственная, не настоящая.

Но внутри его растет желание вернуться в мир своих кошмаров, вновь видеть страдания и муки и переживать минуты восторга и упоения. В этот раз его желанием было увидеть муки своей жены. «И рядом с ней выросло другое неотступное желание, в котором сначала я не решался признаться самому себе: желание привести ее, мою жену, которую я любил, на мое ночное пиршество и увидеть ее лицо искаженным от терзаний ее тела» [1, с. 52]. Герой снова возвращается в свои сновидения, почти все время проводит взаперти в библиотеке. Но к его разочарованию, он не может больше управлять снами, не может вызвать нужный образ. И вот когда ему, наконец-то, это удастся, когда он снова чувствует себя хозяином своего сна и может осуществить мечту – вызвать в сон вою жену, – он вдруг понимает, что не может проснуться, и все что произошло в этот раз было на самом деле. «Я делал все усилия воли, ожидая, что стены этой спальни распадутся вдруг, уйдут и растают, что я увижу себя на своем диване в библиотеке. Но кошмар не проходил. Окровавленное и обезображенное тело жены было предо мной на постели, облитой кровью... Тогда я вдруг понял, что в этот раз все, что свершилось, было не во сне» [1, с. 55].

Данные рассказы можно назвать попыткой Брюсова передать через сновидения внутренний мир персонажей. Их можно отнести к вариациям кризисного сна – сна, который приводит человека к перерождению, обновлению. В первом рассказе мы видим внутреннюю борьбу героя в поисках выхода из сложившейся ситуации, во втором рассказе – это борьба героя за право на личностную свободу. Автор показывает, что нет четкой грани между миром воображаемым (сновидением) и миром реальным. И то, что признается всеми как реальность, может быть вымыслом, равно как и воображаемое может оказаться высшей реальностью мира.

Литература:

1. В. Брюсов Повести и рассказы / Валерий Брюсов [Подг. текста, вст. ст. Гречишкин С., Лавров А.]. – М.: Правда, 1988. – 464 с.
2. Достоевский Ф.М. Сон смешного человека. – Л.: Наука, 1983. – (Собр. соч.: в 30 т.). Т. XXV. – С. 104 – 119.
3. Кочетова С.А. Гоголевские традиции в малой прозе В. Брюсова / Кочетова С.А. // Література в контексті культури. Зб. наук. праць. – Днепропетровск: ДНУ, 2002. – Вип. 8. – С. 184 – 192.
4. Лофф Д. Справочник сновидений / Лофф Дэвид; [пер. з англ. Шавріна М.М., Лук`янов І.М., Пушкаш Т.В.]. – Харьков: ВАТ «Харківська книжкова фабрика ім. М.В. Фрунзе», 2003. – 318 с.
5. Нагорная Н.А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм / Нагорная Н.А.: Дис. на соискание уч. ст. доктора филол. наук. Спец. 10.01.01 – русская литератур. – Москва, 2004. – 414 с. Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/93655.html>.

Анотація

А.К. Крамаровская

СОН В НОВЕЛЛАХ БРЮСОВА

Сни є однією з найбільш привабливих сфер людського духу. Вони завжди цікавили не лише науку, але й літературу.

Данна стаття це спроба на базі аналізу оповідань Брюсова показати прийоми використання сновидінь як мотивування вчинків героїв, а також для передачі їх внутрішнього світу. Аналіз проводився на базі двох оповідань Брюсова, де прийом сну був використан найбільш яскраво. Це оповідання «Сестри» и «Тепер, коли я прокинувся...». Стаття також розглядає схожість оповідань Брюсова з оповіданнями інших письменників.

Ключові слова: сновидіння в літературі, внутрішній світ, Брюсов, оповідання, реальність, запозичення, використання прийому сну.

Аннотация

А.К. Крамаровская

СОН В НОВЕЛЛАХ БРЮСОВА

Сны являются одной из самых привлекательных областей человеческого духа. Они всегда интересовали не только науку, но и литературу.

Данная статья это попытка на основе анализа рассказов Брюсова показать приемы использования сновидений как мотивировки поступков героев, а также для передачи их внутреннего мира. Анализ проводился на основе двух рассказов Брюсова, где прием сна был использован наиболее ярко. Это

рассказы «Сестры» и «Теперь, когда я проснулся...». В статье также рассматривается схожесть рассказов Брюсова с рассказами других писателей.

Ключевые слова: сновидение в литературе, внутренний мир, Брюсов, рассказ, реальность, заимствование, использование приема сна.

Summary

А.К. Крамаровская

СОН В НОВЕЛЛАХ БРЮСОВА

Dreams are one of the most interesting fields of human soul. They always interested science and literature as well.

This article is an attempt to show devices of using dreams for motivation of heroes actions as well as for showing their inner world. The analysis was done on the basis of two short stories by Brussov where the using of dreams is seen the most clearly. They are the short stories «Sisters» and «Now, when I've woken up...».

The article also tells about the similarity of Brussov short stories with the short stories of other writers.

Keywords: dreams in literature, inner world, Brussov, short story, reality, adoption, using of dream device.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, доцентом Е.А. Андрущенко.